

О. Матвеев «Потешные казаки»: дети в станичных военных маневрах начала XX века.

Публикации офицеров начала XX века были проникнуты тревогой об угасании военного начала в казачьей среде, пафосом необходимости сбережения казачества от полного перехода в состояние податного сословия. И действительно, изменения в социально-экономической структуре Российской империи оставляли все меньше места для феодальной в своей основе военной организации казачьих войск.

Упадок «казачьего духа» и военных качеств в начале XX века связывали с ослаблением прежних патриархальных отношений казаков в станицах, военной дисциплины, с чрезмерным наплывом в Кубанскую область иногородних, с «естественным следствием отсутствия перед казачеством неприятеля» [1].

Руководство казачьих войск пыталось в этой ситуации предпринять целый ряд мер для поддержания военного образования и дисциплины в станицах. Среди различных инициатив особое место принадлежит приказу Наказного атамана Кубанского казачьего войска от 24 ноября 1910 г. № 339 «О проведении в станицах военных маневров с участием казаков приговорительного и строевого разрядов, а также малолеток, казаков запасного разряда и отставных» [2].

Подготовке приказа предшествовало появление указания Военного ведомства о проведении в казачьих войсках «малых маневров», которые «которые должны послужить к боевому развитию» [3].

В программе станичных маневров были задействованы школьники местных училищ, которые в ходе совместных действий с взрослыми должны были перенимать боевой опыт последних. Подобная установка была удачным решением, опиравшимся на традиции, которые выработывались в воинских культурах столетиями. Демонстрация боевой выучки, облачение в доспехи и передача старыми воинами оружия составляли важнейший критерий принятия в военное сословие еще в этосе рыцарской культуры [4].

«Стремление к рыцарской славе и чести неразрывно связано с почитанием героев, – писал Й. Хейзинга. – [...]. Жизнь рыцаря есть подражание» [5].

Очевидцами маневров хорошо передана эта атмосфера подражания бывалым взрослым казакам. Корреспондент, наблюдавший за маневрами станиц Царской и Хамкетинской, констатировал: «Наблюдая со стороны, я забывался и воображал, что все это действительность, а не игра. Да и как вы можете принять это за игру? Когда в отряде стоят казаки, с ног до головы

вооруженные, многие имеют солидную осанку и большую окладистую бороду, а у некоторых красуется на груди «Георгий». Все это заставляет вас чувствовать, что совершается что-то великое» [6].

Другой наблюдатель, присутствовавший на маневрах двух отрядов школьников станицы Ахтырской, отмечал: «Не буду говорить вообще о пользе детских маневров, считаю этот вопрос выясненным с положительной стороны. Кто был очевидцем таких маневров, всегда скажет, что польза их уже кроется в той любви, оживлении и искреннем исполнении возложенных на детей военных задач, где ребенок-воин стает настоящим взрослым воином с сознанием ответственности перед обществом» [7].

В. Шевырев, наблюдавший за манерами станиц Нижегородской и Дагестанской, писал: «Что маневры и полезные рассказы из военного быта благотворно действуют на впечатлительную душу ребенка, отмечу следующий интересный случай. После маневров с Нижегородцами, где Дагестанским малышам пришлось сделать туда и обратно около 20 верст, эти самые мальчики, не чувствуя утомления, еще долго бегали по церковной площади, копируя войну. Вот два карапуза на двух деревянных ружьях несут третьего раненого, а ведь этого они не видели, а лишь во время обеда слышали от старших, как носят раненых» [8].

Установка на развитие ориентированного на достижение доблести и военного подвига психологического типа проявилась в отношении детей к своему вооружению. Одного из педагогов станичного училища забавляла серьезность, с которой казачата исполняли обязанность часового у сложенных «в козлы» деревянных ружей. Учитель попытался взять одну винтовку: «Тотчас же ко мне подбежал часовой и, ринувшись ко мне и показывая вид, что намеревается заколоть, потребовал поставить ружье на место. Назвав ученика по имени, я стал просить его дать только посмотреть ружье, но ответа не последовало, и только суровость лица часового дала понять, что часовому не имеет права разговаривать с посторонним» [9]. Сын иногороднего станицы Ладожской А.И. Мороз вспоминал о своем детстве: «Он как-то сделал деревянную винтовку и хотел пройти с учениками (казачатами) центральной школы, но в строй его не пустили, поломали винтовку, а его самого жестоко избили» [10].

С. Крыгин так описывал маневры школьников хутора Кармалинского: «Интересно было наблюдать за «потешными», которые [...] прицеливались в неприятеля и воображали, что они действуют настоящими винтовками» [11].

Деревянное оружие «потешных казаков» выступало в данном случае воплощением героического поведения, передаваемого из прошлого в настоящее. Тот же автор привел в пример семилетнего сына вахмистра

Петрова: «Он гордо выставил свой кинжал впереди и поддерживал свое ружье вперед. На вопрос: «Зачем ты пришел сюда?» этот малыш-воин отвечал: «Иду победить врага!» [12].

Учитель из станицы Царской спросил одного из детей:

– И ты, Горчаков, идешь на войну?

– Да, – последовал ответ.

– А если тебя задавят?

– Я сам кого-нибудь задавлю. – И при этом значительно показал на ружье и кинжал» [13].

Дети – участники маневров были одеты в казачью военную форму – черкески, бешметы и папахи.

Взрослые поощряли такое отношение к амуниции, старались снабдить казачат необходимыми боевыми атрибутами. Была задействована даже «потешная» артиллерия. Во время маневров станиц Хадыжинской и Кабардинской стреляло орудие, изготовленное местным механиком [14].

«Батарею» из двух орудий соорудили для маневров братья Михеевы из хутора Кармалинского, братья на действительной служили в артиллерии. «Один из них – вахмистр, – писал С. Крыгин, – был командиром этой батареи, а двое находились в числе прочих под его командой. Сделаны были пушки из труб, снятых с паровиков от молотилок. Трубы эти были поставлены на лафеты, которые быстро поднимались от передков. В трубах были искусно заправлены ружья системы «Бердана», так что при выстреле получался сильный оглушительный звук» [15].

Корреспондент, наблюдавший маневры станиц Петропавловской и Темиргоевской, отмечал: «темиргоевцы сами смастерили пушку и все время при наступлении «гасили» из нее, а во время обеда салютовали; в конце-концов пушка эта разлетелась пополам и довольно-таки изрядно кой-кого напугали» [16]. Зрелищные огневые эффекты отвечали традиционным представлениям об огневом сопровождении массовых обрядовых действий, служили важным подспорьем в деле приобщения к героическим традициям «стихии величия и торжества» [17].

На это же были направлены регалии и музыкальное сопровождение маневров. Отряд учеников станицы Царской имел знамя с надписью «Царское станичное одноклассное училище». На красном флаге кармалинцев значилась надпись «Южный отряд хутора Кармалинского». Каждая сотня имела свой значок.

Взрослым военным песельникам вторили детские запевалы. С Крыгин делился своими впечатлениями: «Послышалась команда: «Песенники вперед!» Вслед за этим дружно грянула походная казачья песня. Не успел я

вслушаться в казацкую песню, как мое внимание было привлечено тоже песней малышей-школьников. До глубины души приятно было слышать, как один из школьников, некто Федор Калужин, в качестве запевалы затянул песню: «Слышно бьют тревогу, становись в ряды, помоляся Богу, в поле выходи», а за ним грянул хор храбрецов-малолеток воинов. Далеко-далеко раздавались эти нежные голоса, и когда они утренней зарей долетали до спящих хуторян, то все жители пробуждались и выходили смотреть на своих детей и внуков, которые мерно шли по широкой улице в указанное место маневров» [18].

Практически все очевидцы маневров говорят о том возвышенном состоянии, в котором пребывали дети казаков, игравшие в войну. Й. Хейзинга называл подобные настроения «священной серьезностью» [19].

Корреспондент, наблюдавший маневры станицы Шкуринской 16 апреля 1912 г., писал: «С раннего утра все население станицы оживилось, дети-школьники и подростки в особенности, которые с нетерпением ожидали этого дня, в каком-то радостном настроении собирали свои доспехи чуть-ли не за три дня до маневров [...], они чистили свои деревянные винтовки и готовились к встрече радостного праздника» [20]. В станице Царской «настроение у всех было приподнятое, а о детях-школьников и говорить нечего. В назначенный день маневров дети просыпались ночью, боясь проспать утро, собирали свою походную амуницию и горели желанием скорее выступить в поход» [21].

Очевидец маневров кармалинцев отмечал: «Удивительнее всего – это дети-воины, идут на сборный пункт под дождем, бойко и на лице у каждого можно было прочесть что-то такое серьезное и торжествующее. Эти юные воины, не боясь дождя, который становился все сильнее и сильнее, собрались к хуторскому правлению с ружьями за плечами, с кинжалами на поясах и с провиантом в сумках, бойко и весело подшучивая: «а нука, нехай наскочить «тúrка», ми ему покажем» [22].

Первый этап маневров включал в себя сбор, приветствие станичного атамана или офицеров, руководящих маневрами, и получение боевой задачи. А. Шишкин, присутствовавший 31 марта 1912 г. на маневрах станицы Григориполисской, так описывал начало потешных военных действий: «Командир сотни Соколов поздоровался с казаками и учениками, поздравил их с походом, после чего отряд с песнями и хором выступил в поход на указанное для маневров место» [23].

Заранее выбиралось место генерального «сражения». Очевидец маневров между станицами Нижнебаканской и Неберджаевской отмечал: «Место генерального сражения – тригонометрический пункт «Неберджай»,

расположенный на горе, называемой «Семисонная» в расстоянии от станицы Нижнебаканской в 8 верстах, а от Неберджаевской в 4 верстах к западу. Названный тригонометрический пункт должен был служить для Неберджаевского отряда укреплением, защищаемым траншеями и окопами, причем тому же отряду приказано отрезать путь сообщения Нижнебаканскому отряду к укреплению, а в случае неудачи отступить и дать сражение на вершине «Семисонной», т.е. в укреплении» [24].

У григориполисцев «площадь для маневров представляла из себя местность неровно волнистую с двумя небольшими балками. Пользуясь таким местоположением, отдельные части войск маневрировали, переменили свои направления, чем вводили в заблуждение неприятеля, скрывали свои главные силы» [25]. В станице Ахтырской «задача 1-го южного отряда под командой учителей К. и Л. состояла в следующем: выступив на три часа раньше и заняв горную лесную местность версты три в окружности, отряд должен был спрятаться; в дальнейшем конечно стараясь атаковать и разбить неприятеля. Второй наступающий отряд под командою урядника Танцюры и зав. 2-х класс. учил. Щ-ро в полном боевом вооружении, имея обоз, распустить знамена, в строевом порядке двинуться на розыски неприятеля, предварительно впереди себя выслав разведку...» [26].

Выбирая место маневров, организаторы их старались учесть массовость и всеобщность традиционных зрелищных мероприятий казачества, проводить потешные военные действия публично, с участием всех поло- и возрастных групп. В станице Шкуринской у места маневров на берегу реки Еи собралось большое количество зрителей, которые, затаив дыхание, следили за действиями Северо-Западного и Юго-Западного отрядов [27].

Корреспондент, наблюдавший маневры станиц Дагестанской и Нижегородской высказал пожелание: «Чтобы будущие маневры были показательные, следует выбирать местность для них более открытую, чтобы все действия разведчиков, цепи и резервов были видны для малышей». И далее: «За Дагестанцами шла почти вся станица. Это относится к чести дагестанских начальников, сумевших заинтересовать публику, но, к сожалению, публика почти ничего не видела, и была разочарована на открытых местах, следуя за маневрами, мать-казачка Орленка, может быть, вдохновясь, перестанет петь плантаторские песни и запоет родную казачью... «Богатырь – ты будешь с виду и казак душой, провожать тебя я выйду, ты махнешь рукой... Дам тебе я на дорогу образок Святой, ты его, моляся Богу, ставь перед собой» [28].

В маневрах были задействованы и девочки. Описывая действия отряда станицы Новомарьевской, очевидец отмечал, что «вместе с учениками

мальчиками прибыл санитарный отряд, в составе фельдшера и нескольких сестер милосердия (девочки-ученицы)» [29].

Второй этап маневров включал в себя выдвижение к месту боя, разведку и «сражение». Переход к месту «сражения» требовал от детей серьезной физической нагрузки и нелегких испытаний. Учащимся отряда станицы Ахтырской «приходилось идти едва пробираясь сквозь густые и колючие заросли. Но воины не унывали: они смело ныряли в чащу леса, карабкались на горы, переползали ущелья. В трудных местах приходилось по одному переезжать сидя верхом на повалившиеся через ущелья деревья. Были свои «чертовы мосты»! На каждом шагу ожидали засады неприятеля. У всех замечалась страшная напряженность; все были, что называется «начеку» [30].

Дети хутора Кармалинского шли к месту боя под проливным дождем, «как-будто не чувствуя под собой грязи, шли, не нарушая должного порядка. Не мало удивил зрителей следующий факт, который свидетельствует о твердом исполнении малышами военной дисциплины. Во время похода у школьника Семена Мерзликина, 11-летнего мальчика, снялся башмак и остался в грязи. Он не успел его поднять и продолжал идти в рядах своих товарищей, говоря: «Когда тут поднимать башмак, когда может быть неприятель подходит к Кармалину», и так до самого места маневров шел без башмака, в чулке на одной ноге» [31]. Учитель станицы Царской вспоминал: «Следуя за отрядом, я заметил, что малыши отстают и, видя, как они «тужатся», взбираясь на крутой подъем, предложил сесть на подводы. Каково же мое было удивление, когда я услышал из уст мальчиков-воjak: «Что мы бабы» [32].

Определенных навыков требовало участие в ведении разведки. «Одни, как бы рискуя жизнью, подползали к неприятелю, желая проведать расположение и численность его, – писал очевидец маневров станицы Шкуринской. – Школьники переодевались в крестьянскую одежду, проходили в стан неприятеля и или попадались по подозрению в плен, или благополучно ускользали с добытыми ценными сведениями [...]. Они, маленькие сами по себе, старались казаться еще меньше в глазах неприятеля, прильнув до земли, как сложенная бурей трава» [33].

Приказные, младшие и старшие урядники из школьников обучались умению командовать [34].

Кульминацией маневров являлась атака. В районе станицы Григориполисской «по общему знаку при хоре музыки оба отряда перешли в наступление. По получении сведений начальником отряда о построении неприятеля войско построилось в боевой порядок. Артиллерия же, как с той

и с другой стороны, была наготове, избрав для себя удобные позиции для обстреливания неприятеля» [35].

Описывая маневры в станице Нововеличковской, Сергей Клюв отмечал: «Подбираясь между скирдами соломы, разбросанной везде по полю, конница восточного отряда неожиданно нападает на сотню учащих двухклассной школы, но командуящий сотнею ученик пятого отд. Г. Листровой не растерялся. Быстро сообразив, в чем дело, он своевременно передвинул свою колонну в нужном направлении и открыл по идущей кавалерии усиленный огонь. На левом фланге из-за горки показывается кавалерия западного отряда, бросившаяся в атаку на кавалерию противника. Командующий сотнею школьников третьего училища расторопный ученик Копытун вовремя обстрелял кавалерию западного отряда и направил затем свою сотню на пластунов. Наконец, приблизившись к своему противнику, восточный отряд с криками «ура» бросился в атаку, горнист заиграл «отбой» и маневры закончились» [36].

Бой Темиргоевского отряда с Петропавловским свелся к штурму укрепления. «Темиргоевцы с криками «ура» бросились на наши главные силы, – писал очевидец. – Наши ответили тем же... закипела битва. Петропавловцы храбро защищали свою крепость, так что, как Темиргоевцы не старались, а крепость все же не взяли. Наконец горнист затрубил отбой. Но школьники-казачата не обращали внимания на звуки трубы и еще некоторое время продолжали бой» [37].

В окрестностях станицы Ахтырской, «по команде сделав залп из винтовок, весь отряд двинулся вброд через речку (Ахтырку. – О.М.), с тылу атаковал неприятеля – разбил его... Звонкое радостное ура, вырвавшееся из молодых грудей, далеко-далеко разнеслось по окрестностям, в ущельях, эхом перерождаясь в боевой клич подрастающей казачьей опоры великой России» [38].

Наблюдавший за маневрами кармалинцев С. Крыгин писал: «Мне хотелось плакать, когда я увидел, что «потешные» воспламенились героическим огнем [...], были готовы схватиться с мнимым врагом в рукопашную. Но до этого их не допустили. Как только наш главнокомандующий увидел, что противник был кругом охвачен нашим отрядом, он сию же минуту скомандовал отступление, и действие было закончено в 3 с половиной часа по полудни» [39].

Заключительный этап маневров включал в себя торжественный обед с напутственными речами стариков и офицеров, подвижные игры на воздухе, песни и танцы, нередко – джигитовку. В отдельных станицах офицеры на этом этапе проводили еще и практические занятия по развитию глазомера.

Завершались военные игры вручением призов и торжественным возвращением в станицу.

«Враги» примирились и уселись вместе за устроенным тут же обедом, – вспоминал очевидец маневров станицы Новомарьевской. – Во время обеда стариком была произнесена речь, в которой он выяснил необходимость воспитывать в духе казачества» [40].

Во время обеда григориполисцев «есаулы Соколов и Вольховский поблагодарили участвовавших в маневрах и разъяснили казакам и стоявшим здесь отцам и дедам, какое значение имеют маневры и насколько они полезны для казаков, воспитывающих себя в военном духе. Кроме этого сказано было много речей, в которых восхвалялись наши деды и прадеды, не забыто было и настоящее поколение, которое также следует примерам старины, не роняя своего казачьего достоинства. По окончании обеда музыка сыграла гимн «Боже, царя храни» [41].

Перед нововеличковцами выступил руководитель маневров есаул Сотников, «указавший на достоинства и недостатки действовавших отрядов, выяснил затем в отдельной речи общее значение маневров для воспитания здорового духом и телом казацкого поколения. «Желаю вам, Нововеличковцы, счастья и успеха в вашей жизни и дай Бог, чтобы и в следующем году встретились мы на таких же маневрах», – закончил есаул Сотников, и мощное ура огласило Нововеличковские поля, торжествуя победу над серенькой действительностью» [42].

Большое внимание уделялось присутствию на обеде ветеранов, рассказы которых об участии в походах и сражениях имели значительный воспитательный эффект. Офицер, наблюдавший в 1912 г. маневры станиц Дагестанской и Нижегородской, высказал пожелание, чтобы «обеим маневрирующим станицам иметь в одном месте кухни, где после окончания маневров, совместный обед и рассказы из военного быта. Эти совместные товарищеские беседы в присутствии начальников не будут вносить озлобление и розни между станицами, а будут влиять успокоительно, для малышей же поучительно» [43].

Нижнебаканские «старики, слушая рассказы, вспоминали свою молодую жизнь и то время, когда на этих же самых местах, где ныне производились маневры, они с оружием в руках дрались с непокорными и дикими горцами, охраняя свою безопасность. Особенно памятный день для многих Нижнебаканцев 3-е октября 1862 года, когда 15-ти тысячная толпа горцев напала на нашу станицу, вырезав больше половины всех жителей» [44]. В станице Хадыжинской «седобородые казаки благодарили маневрирующих за поддержание старого казачьего духа и славы казачьей» [45].

Непременным элементом заключительной части было вручение детям подарков. Кармалинским «детям раздавались лично атаманом гостинцы. Каждому малышу-воину был дан мешочек, наполненный конфетами, пряниками, орехами и бубликами» [46].

В станице Новомарьевской «ученикам были розданы награды, состоящие из маленьких детских кинжаликов. Эти подарки, – отмечал наблюдатель, – долго будут напоминать детям о том, как они «воевали» [47].

В Григориополисской у станичного правления «отличившимся при разведке на маневрах и за глазомерное определение розданы награды: казачьи пояса, цепочки, тесьмы для часов и перочинные ножи» [48]. После обеда отрядов станиц Нижнебаканской и Неберджаевской детям раздали лакомства. Они «играли, карабкались по отвесным скалам, а затем войска снялись группой приглашенным фотографом» [49].

По окончании обеда шукуринцев «заиграла музыка, услышав которую казаки и казачата, как когда-то их деды и прадеды-запорожцы после набегов в минуты отдыха пустились в пляс. В довершение празднества были вызваны вольные наездники для джигитовки, которые показали свою лихость, смелость и неустрашимость! Мальчикам было устроено состязание по определению глазомерного расстояния, за что выдавались призы: пояса и тесьмы» [50].

Станичные маневры, несомненно, сыграли определенную роль в укреплении воинских традиций казачества. Однако начавшаяся вскоре Первая мировая война, а затем – революция поставили крест на участии детей в организованных военных играх под казачьими знаменами. Если участники «потешных» батальонов Петра I стали героями Азова, Полтавы и Гангута, совершали великие географические открытия и дворцовые перевороты, то поколению, выросшему из «потешных казаков», выпали на долю тяжкие испытания, связанные с социальными потрясениями и намеренным разрушением механизма преемственности сложившихся традиций. Организаторы маневров удачно умели совмещать сложившиеся десятилетиями досуговые формы казачьих станиц и традиционную передачу навыков и знаний от старших к младшим с насущными потребностями воинского воспитания в Кубанском казачьем войске. Этот недолгий, но достаточно эффективный опыт вполне может быть задействован в практике работы современных военных комиссариатов, местных казачьих организаций и школ казачьей направленности, на уроках «Основы безопасности жизнедеятельности», всеми, кто отвечает за патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Примечания

1. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. С. 95–96.
2. Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска по части военной. Екатеринодар, 1910. С. 290.
3. Александров С.Г. Физическое воспитание детей и молодежи кубанского казачества (сер. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический очерк. Краснодар, 1999. С. 55.
4. Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского Средневековья // Одиссей. Человек в истории. Рыцарство: реальность и воображаемое / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2004. С. 12.
5. Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нидерландского Д.В. Сильвестрова. 3-е изд., испр. М., 2002. С. 85.
6. С-нь. Ст. Царская. Кубанский казачий праздник // Кубанский казачий листок (ККЛ). 1912. № 66. 14 февраля.
7. К.Ю. Маневры казачат. Посв. г.-м. В.В. Мищенко, атаману Таманского отдела // ККЛ. 1912. № 130. 2 мая.
8. Шевырев В. Ст. Дагестанская (несколько слов по поводу корреспонденции г. Орлова о маневрах Дагестанцев с Нижегородцами) // ККЛ. 1912. № 195. 21 июля.
9. С-нь. Указ. соч.
10. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. С. 37.
11. Крыгин С. Маневры хуторян-кармалинцев // ККЛ. 1912. № 147. 25 мая.
12. Там же.
13. С-нь. Указ. соч.
14. Б-в-й-ъ. Станица Хадыжинская // ККЛ. 1912. № 150. 29 мая.
15. Крыгин С. Указ. соч.
16. Очевидец. Маневры между Петропавловцами и Темиргоевцами // ККЛ. 1912. № 313. 18 декабря.
17. Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005. С. 100.
18. Крыгин С. Указ. соч.
19. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова. М., 1997. С. 37.
20. Кор-ко Е. Ст. Шкуринская (описание маневра) // ККЛ. 1912. № 187. 12 июля.
21. С-нь. Указ. соч.
22. Крыгин С. Указ. соч.

23. Шишкин А. Маневры станицы Григориполисской // ККЛ. 1912. № 157. 6 июня.
24. Маневры, происходившие между станицами Нижнебаканской и Неберджаевской (28 октября 1912 года) // ККЛ. 1912. № 318. 22 декабря.
25. Шишкин А. Указ. соч.
26. К.Ю. Указ. соч.
27. Кор-ко Е. Указ. соч.
28. Шевырев В. Указ. соч.
29. Икс. Маневры // ККЛ. 1912. № 316.
30. К.Ю. Указ. соч.
31. Крыгин С. Указ. соч.
32. С-нь. Указ. соч.
33. Кор-ко Е. Указ. соч.
34. Александров С.Г. Указ. соч. С. 55.
35. Шишкин А. Указ. соч.
36. Клюв С. Маневры в станице Нововеличковской // ККЛ. 1912. № 297. 27 ноября.
37. Очевидец. Указ. соч.
38. К.Ю. Указ. соч.
39. Крыгин С. Указ. соч.
40. Икс. Указ. соч.
41. Шишкин А. Указ. соч.
42. Клюв С. Указ. соч.
43. Шевырев В. Указ. соч.
44. Маневры, происходившие между станицами Нижнебаканской и Неберджаевской...
45. Б-в-й-ъ. Указ. соч.
46. Крыгин С. Указ. соч.
47. Икс. Указ. соч.
48. Шишкин А. Указ. соч.
49. Маневры, происходившие между станицами Нижнебаканской и Неберджаевской...
50. Кор-ко Е. Указ. соч.

Источник - Закон «О государственной политике в области сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани. Методические материалы научно-практической конференции (2–3 ноября

2007 г. г. Краснодар) / Под ред. Н.И. Бондаря, В.В. Воронина. Краснодар, 2007. С. 82–94.